

Б. СТОЛПОВСКИЙ

Привидения на вилле «Гольбек»

Б. СТОЛПОВСКИЙ

ПРИВИДЕНИЯ НА ВИЛЛЕ „ГОЛЬБЕК“

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва • 1965

В Л А Д Ы К И К А П И Т А Л И С Т И Ч Е С К О Г О М И Р А

Имя Фридриха Флика, матерого промышленного хищника Западной Германии, тесно связано с фашизмом, кровавыми злодеяниями, совершенными гитлеровцами перед человечеством. Его руки, сморщенные от старости и обогренные кровью народов, вновь держат бразды правления в ФРГ. Забыв о Нюрнберге, где он был осужден как военный преступник, этот восьмидесятидвухлетний старец опять плетет сложную паутину афер, тянет щупальца к оружию, чтобы толкнуть мир в пучину новых, еще более страшных кровавых авантюр.

Брошюра входит в серию «Владыки капиталистического мира», адресованную массовому читателю. Автор, известный советский журналист-международник, дает яркую картину восхождения Ф. Флика на промышленный Олимп, его участия в установлении гитлеровского режима, грабежах и погромах периода второй мировой войны, послевоенной милитаризации экономики ФРГ. Ныне Ф. Флик и его концерн «Фридрих Флик КГ» остается опасным вдохновителем политики агрессии и реваншизма.

Вилла «Гольбек» не волшебный «Замок Шпессарт», и привидения на ней — не сказка. Не благородные рыцари являются в ночи, а мрачные тени убийц и грабителей, убиенных и ограбленных терзают душу обитателя виллы. А что, если и впрямь восстанут они и поведают, как владелец виллы «Гольбек», скромный отпрыск жалкого старьевщика из Зигерланда, стал «капиталистом номер один» при трех режимах — в Веймарской республике, в третьем рейхе, в боннском государстве.

Представьте себе необычное. Скрипнет пол. Взвизгнет дверь. В ее черном провале появится угловатая фигура. Например, Гиммлера. О чем мог бы рассказать он, друг Флика? А Кальтенбруннер, Кейтель и Геринг? А те из «деловых людей», кто вместе с ним паутиной афер и преступлений десятилетиями опутывал Германию? А что поведали бы здравствующие и поныне генералы, адмиралы, фюреры СС в отставке и на службе, промышленные воротилы, «старые» и «новые», государственные чиновники и политики, составляющие «цвет» ФРГ?

Так пусть же заговорят живые и мертвые. И мы увидим, кто в действительности сегодня правит Запад-

ной Германией! Насильник, торговец рабами и оружием, миллиардер Фридрих Флик правит ею. Да, мы не оговорились. Именно тот самый Флик — военный преступник, который был осужден даже американским военным трибуналом, столь велики его преступления. Тот самый Фридрих Флик, который вместе с другими властителями промышленных империй надел ярмо «коричневой» неволи на немецкий народ и втянул мир в две войны.

1914—1918 годы — первая империалистическая война. Это — первый гешефт Фридриха Флика, который принес ему пост генерального директора в германской стальной промышленности и первые миллионы.

1923 год — инфляция. Разорение, голод, нищета для немецкого народа. А для «милого мальчика Фрида», как звали в великосветских салонах преуспевающего «гения спекуляций», новые миллионы, заводы, фабрики, шахты.

1933 год. Гитлер захватывает власть. Вопреки Фридриху Флику, как он уверяет до сих пор? Нет, с его помощью. Поджог рейхстага, погромы политических партий и организаций, лагеря смерти, «кристальная ночь» и другие бесчинства гестаповских молодчиков, штурмовиков, эсэсовцев, дикие изуверства, перед которыми бледнеет резня варфоломеевской ночи. Война против республиканской Испании, аншлюс Австрии, расчленение и порабощение Чехословакии. Кто вдохновлял нацистских насильников на это? Все тот же Фрид и его компания.

Развязана вторая мировая война, разграблены 19 государств Европы; 34 миллиона убитых, десятки миллионов искалеченных и раненых. Кто несет ответственность за это? Король стали и угля Фридрих Флик. Он осужден народами не только за личные злодеяния, прямое сотрудничество с эсэсовскими главарями, угон ино-

странных граждан в нацистское рабство, но и за войну. За войну, которая стоила огромных человеческих и материальных жертв, поглотив плоды труда многих поколений, оцениваемые в один биллион двести миллиардов долларов. Хотя денежный эквивалент здесь вряд ли допустим.

Английский журнал «Уорлд эфферс» пишет, что история Германии в период между двумя мировыми войнами в значительной степени, если не полностью, определялась четырьмя главными представителями германской промышленности: концерном Круппа, «ИГ Фарбениндустри», концерном Флика и металлургическими заводами Рехлинга. Эти четыре промышленных гиганта были главными поставщиками сырья и готовой продукции, необходимых войне: железа, стали, угля, резины, горючего и разного рода химических продуктов.

Фридрих Флик, возглавивший концерн, служил молоху войны. Это был и есть его бизнес. Он любит повторять слова старого пруссака, президента германской империи Гинденбурга: «Война для меня подобна целебной купели».

О том, как железом и кровью создавал Фридрих Флик свою промышленную империю при кайзере Вильгельме II и его веймарских преемниках, при фюрере Адольфе Гитлере и боннских канцлерах Конраде Аденауэре и Людвиге Эрхарде, пойдет речь в этой книжке. Обратимся не только к свидетельствам привидений...

От скупщика железного лома...

Начнем хотя бы с двух любопытных характеристик. В протоколах Нюрнбергского процесса по делу Флика есть слова свидетеля: «Я всегда знал господина Флика как честного промышленника, верного идеалам СС». Так говорил перед трибуналом бывший адъютант рейхсфюрера СС Гиммлера Карл Вольф. 19 лет безмятежно прожил он на берегу баварского Тагернзее и только в 1964 году в порядке «преодоления прошлого» был осужден к 15 годам тюрьмы. Узнав об этом, Флик искренне огорчился и сказал: «Карл Вольф был честный генерал, отлично сотрудничавший с германской промышленностью».

Многое изменилось в мире, но не менялись тузы германского монополистического капитала, одним из наиболее колоритных представителей которого был и остается Флик. Даже после краха гитлеровской Германии он остался верен прошлому. Не с раскаяния начал он, а с того, на чем кончил при Гитлере. И сейчас, укутав ноги шотландским пледом на вилле «Гольбек», не об индულгенции думает он. Его может занимать только одно — новые крупные и мелкие аферы в царстве золотого тельца, которыми так необычно густо усеян его путь к власти.

Из официальных справочников «Кто есть кто в Германии?» мы узнаем, что этот восьмидесятидвухлетний старец — новатор в металлургии и что он значится почетным президентом Технического училища в Западном Берлине. Но если он в чем действительно и достиг совершенства, так это в технике наживать состояния за чужой счет.

А изучать эту «технику бизнеса» он начал еще в

первое десятилетие XX века. Тогда Фрид стал студентом Высшей торговой школы в Кёльне. Его выделяло не только четырехгранное лицо с острыми скулами, острым подбородком и носом. Он отличался непомерным честолюбием. Его мозг постоянно сверлила мысль, почему он, ну, скажем, не Крупп. Когда старый Крупп отдал богу душу, кайзер Вильгельм II шел за катафалком, сняв корону. А кто такой Фридрих Флик? Всего только сын торговца лесом и железным ломом из Зигерланда, что в Вестфалии. Пробриться «в люди», в круг тех 22 миллионеров, которые олицетворяли собой Германскую империю! Пробриться, чего бы это ни стоило...

И он пробился. Как? В тот круг пробиваются обычно только одним способом — по трупам. По трупам в переносном и буквальном смысле. Сначала Флик получил скромное место юрисконсульта на металлическом заводе в северогерманском местечке Гейсвейд. Потянулись однообразные, ничем не примечательные дни и годы существования обыкновенного конторского служащего. Так продолжалось долгие шесть лет, продолжалось бы и дольше, если бы не потянуло запахом назревавшего военного пожара.

Шел тревожный 1913 год. Судьба обидела народы, людей честных и мирных, но не обидела Фридриха Флика и ему подобных. Один за другим следовали международные кризисы. Империалистические державы готовились к схватке, чтобы переделить мир, богатства чужих народов. Флика потянуло на порох, как волка на мясо. На военных поставках раскрылся его талант делателя денег. Скромный юрисконсульт, ходатай по делам малоизвестной фирмы в Гейсвейде, перебирается на ступеньку выше — входит в правление металлургического акционерного общества «Менден унд Шверте АГ».

Разразилась мировая война, развязанная герман-

ским империализмом. С первым ее выстрелом в Сараево — очередной скачок по лестнице карьеры: Флик становится членом правления еще одного акционерного общества — «Шарлоттенхютте». А через год он получает пост генерального директора этого крупного металлургического комплекса. Правда, «Шарлоттенхютте» еще не Олимп, откуда можно было бы повелевать рейнско-рурской промышленностью. Но это такая позиция, которая открывала возможность присосаться к источникам наивысших прибылей. Нужны пушки и снаряды, нужна сталь. Война поглощает несметное количество смертоносного металла. А это прибыли вдвойне и втройне на вложенный капитал. И вот Фридрих Флик, не имевший ни пфеннига за душой в начале карьеры, уже владелец первых миллионов.

Об их происхождении рассказывают многие. В великосветской хронике ссылаются на феноменальную скупость Флика. По сей день западногерманская печать вспоминает анекдот. Однажды в местечке Нидершельден, где расположены заводы «Шарлоттенхютте», в местную клинику доставили неизвестного в обморочном состоянии. Долго гадали, что приключилось. Один из присутствовавших спросил очнувшегося: «Были ли вы в гостях у Флика?» Последовал утвердительный ответ. Диагноз гласил: «Обморок от истощения».

Но история первых миллионов преуспевающего генерального директора не укладывается в анекдоты о редкостной скупости Флика. Их история — это одновременно трагедия немецкого и других народов Европы. За годы первой мировой войны погибло 10 миллионов человек. На столько же миллионов за эти годы увеличились капиталы Флика. Он меньше всего интересовался людскими потерями. Его волновали только вести о том, сколько взрывчатки и стали поглощает война.

Рассказывают, что он заплодировал на правлении

«Шарлоттенхютте», когда сообщили, что расход боеприпасов на фронте к концу войны в 30 раз превысил уровень, запланированный для промышленности. Флик в полной мере использовал это. Огненный смерч войны переплавил сталь «Шарлоттенхютте» в слитки золота. По праву сильного урвав львиную долю, Флик переиграл своих партнеров по акционерному обществу и стал его полновластным хозяином, грессакционером.

Развязанная империей Вильгельма II война завершилась разгромом милитаристской Германии. Но, отойдя в прошлое, эта мировая бойня продолжала «работать» на Фридриха Флика. Разжиревшие на военных поставках промышленники и вильгельмовские генералы были потрясены Ноябрьской революцией 1918 года в Германии, поражением в империалистической войне. Но, удержавшись в седле, они с еще большим остервенением принялись терзать и без того измученный организм германской нации.

Фридрих Флик не упустил шансов. Каждый поворот событий тех катастрофических для немецкого народа дней он использовал как игрок, и, надо сказать, игрок искусный. Он не был слишком церемонен в выборе средств. Под прикрытием штыков карателей социал-демократического правительства он использовал оружие поистине страшной силы: разруху, голод, нищету.

Промышленники и финансисты своей политикой вызвали тяжелейшую инфляцию. Стоимость рейхсмарки катастрофически падала. Жизнь дорожала с каждым днем. Это несло беду людям труда. Инфляция была доведена до астрономических размеров. 500 граммов черного хлеба, например, стоили 262 миллиона марок, а полкилограмма сливочного масла — 6 биллионов. Рабочие и служащие были ограблены. Мелкая и средняя буржуазия разорялась.

А монополии? Монополии богатели, укрепляли свое могущество. Журнал «Гамбургшпер корреспондент» писал, как была использована инфляция «первыми гражданами Германии»: «Все эти крупные торговцы пакетами (акций.— Б. С.) времен инфляции и биржевой лихорадки, периода заката и растущего оскудения Германии сумели создать огромные состояния». Первым из таких «торговцев пакетами» был признан Гуго Стиннес. Этот король угля и стали на Руре, по свидетельству тогдашнего английского посла в Германии, был «убежденным сторонником инфляции». Он присоединил к своему угольно-металлургическому концерну многие крупные владения. Единственным «торговцем пакетами», который мог по размаху спекулятивных афер в какой-то мере поспорить с ним, был Фридрих Флик из Зигерланда.

...До торговца концернами

Как Флик действовал? По определенной методе. Разумеется, он с таким же азартом, в меру своих возможностей, раздувал инфляцию, с каким увлеклись этим наряду с Гуго Стиннесом, скажем, Бош или Дуисберг, сколотившие к концу 1925 года химическую империю «ИГ Фарбениндустри», Рейш или Штумм, Петер Клёкнер или Август Тиссен и его сын Фриц, захватившие в свои руки многие предприятия угля и стали на Руре. Оставалось лишь ловко использовать все увеличивающийся разрыв между номинальной и фактической ценой денег, своевременно предугадывать падение курса марки и на этом спекулировать.

В банках Флик брал кредит, скупал предприятия и другие имущественные ценности. По истечении некото-

рого времени он выгодно их перепродавал и возвращал банку кредит, но уже более обесцененными марками. Полученную разницу — а это были весьма кругленькие суммы — он вкладывал в очередную спекулятивную аферу. И так до бесконечности. Прибыли, полученные в результате спекуляций на бирже, средства, вырванные из государственного бюджета за счет налогоплательщиков в возмещение за «убытки» от инфляции, стали из «Шарлоттенхютте» превращались в заводы и шахты.

Немало громких скандалов на этом скользком поприще связано с именем Флика. Но ему все сходило с рук, не нанося существенного ущерба. Почему? Очень просто: шумиха-то каждый раз поднималась после того, как дело было сделано. И в мире чистогана не было такой силы, которая могла бы заставить этого матерого воротилу отказаться от решения, сулящего большие барыши. Подготовка и осуществление биржевых спекуляций держались в полной тайне.

Так было с первой же его крупной аферой, начатой летом 1920 года. Гуго Стиннес захватил тогда прокатные заводы в Бохуме («Бохумер ферейн»), а Флик подкрадывался к металлургическому концерну в польской Верхней Силезии «Бисмаркхютте». Его замысел был окутан такой непроницаемой тайной, что никто не заметил операции вплоть до того момента, когда Флик завладел контрольным пакетом акций. Даже биржи, банки и само правление «Бисмаркхютте» до последней минуты оставались в неведении. Когда же поднялась тревога, то было уже поздно: акции этого концерна через подставных лиц попали в сейфы хозяина «Шарлоттенхютте».

Чтобы как-то оправдать эту операцию, была выдвинута версия об «экономической целесообразности». Продажная печать немедленно подхватила ее, особо

подчеркивая, что входящие в концерн «Бисмаркхютте» металлургические заводы в Бохуме якобы усилят «слабое звено» в основном фликовском владении «Шарлоттенхютте», а именно сталеплавильное производство. Для пущей убедительности эти заводы были прямо присоединены к нему. Но не прошло и года, как Флик продал их владельцам металлургических предприятий в Ромбахе. Результат сложной спекулятивной комбинации — чистая прибыль. Ее хватило на то, чтобы приобрести в конце 1921 года контрольный пакет еще одного металлургического и угледобывающего концерна — «Каттовитцер АГ фюр бергбау-унд хюттенбетриб» в Верхней Силезии.

А тем временем Флик уже нацелился на верхнесилезское акционерное общество «Ейзениндустриэ АГ фюр бергбау-унд хюттенбетриб». Ахиллесовой пятой этого металлургического концерна были многочисленные долги, образовавшиеся из-за недостаточно прочной каменноугольной базы.

Зная финансовое состояние предприятия, Флик начал с того, что приобрел пакет акций. Их обладание давало право наложить вето на любую попытку увеличить капитал. Двадцати пяти процентов было вполне достаточно. Когда трудности концерна возросли до предела, Флик предложил свою «помощь» — каменноугольную шахту «Пройссен» и 200 миллионов марок. Взамен он пожелал получить акции «всего лишь» на 60 миллионов. Какая жертва, какое благородство и бескорыстие! Дать 200 миллионов, а просить всего 60. Но это только на первый взгляд. В действительности же секрет этой операции заключался в том, что курс акций концерна к тому времени подскочил до 9600 пунктов. Иначе говоря, они стоили на бирже в 96 раз дороже номинала. Нетрудно подсчитать, какую огромную сумму составлял приобретенный с помощью шантажа

пай: 5 миллиардов 760 миллионов марок. Даже в обстановке инфляции полученный барыш был необычайно велик.

Спекулятивный размах, проявленный при сделке, холодный расчет и полное пренебрежение «правилами игры» так поразили воображение биржевых маклеров, что Флик был поднят на пьедестал гения спекуляции. А он не рвался на авансцену, предпочитал тихую жизнь крота. Пока шли гадания вокруг секретов зигерландского спекулянта, он рыл ходы, которые вели его к новым крупным захватам.

Тянуло Флика на берега Рейна и Рура, к сердцевине германской промышленной мощи. Но как миновать преграды? Путь туда был закрыт крупнейшими рейнско-рурскими магнатами, такими, как Гуго Стиннес (младший) и Фриц Тиссен. И все же Флик пробился. Он пошел на союз с ними. Гуго Стиннес получает от него пай в «Бисмаркхютте» и «Каттовитцер АГ». А тот в обмен предоставляет пай в монополистической группе «Рейнэльбе-унион». Укрепившись на Рейне и Руре, Флик вторгается в среднегерманский металлургический концерн «Линке-Гофман-Лауххаммер АГ».

Только через несколько лет выявились все последствия такого союза. Что же произошло? В мае 1926 года Гуго Стиннес, Фриц Тиссен, Отто Вольф, Карл Дуисберг образовали Стальной трест, сыгравший роковую роль в судьбах Германии. В числе крупнейших монополий, вошедших в трест, был «Рейнэльбе-унион», где одним из ведущих акционеров являлся Фридрих Флик. Правда, это еще не обеспечивало ему сколько-нибудь значительного влияния, однако было достаточно, чтобы продолжить экспансию в Стальном тресте. Вводятся в битву важнейшие предприятия «Шарлоттенхютте» и приобретенный им мощный каменноугольный концерн «Гельзенкирхенер бергверке АГ». Став членом наблю-

дательного совета Стального треста, Флик строит такую систему взаимных связей между концернами, что на вершине стальной империи закрепляется «Гельзенкирхенер бергверке АГ».

В результате в руках зигерландского промышленника оказалось 64 процента акций Стального треста. Биржевые специалисты до сих пор не перестают гадать, как удалось Флику обвести вокруг пальца такого крупнейшего воротилу, как Фриц Тиссен, противопоставив 200 миллионам тиссеновского акционерного капитала всего лишь 21 миллион марок.

А параллельно шла борьба между монополиями за установление господства над производством в угольной и сталелитейной промышленности Верхней Силезии. Там образовалось крупное объединение из трех концернов. Один из них — «Линке-Гофман-Лауххаммер» представлял интересы Фридриха Флика. Одновременно возникла монополистическая группа «Миттельдейче штальверке», в которую вошли металлургические предприятия Средней Германии. И здесь фликовский концерн «Линке-Гофман-Лауххаммер» занял ключевые позиции. Так Флик стал, по существу, единовластным хозяином еще двух угольно-металлургических объединений, где он ни в какой мере не делил власть со своими соперниками с Рейна и Рура.

К началу 1930 года Флик командовал невиданными по своим масштабам промышленными объединениями. С ними могли тягаться разве лишь крупнейшие американские корпорации вроде «Юнайтед стейтс стил». Нажимая на рычаги своей промышленной империи, он влиял на общее состояние экономики, на политический климат в Германии. Флик, проделав путь от скупщика железного лома до «торговца концернами», наконец взобрался на Олимп власти, разделив ее с десятью — пятнадцатью властелинами Германии.

Взаимная «аттестация на верность»

Флик взобрался на Олимп. Но на нем ведь еще надо удержаться. А как? Короткий период бума после инфляции сменился кризисом перепроизводства. В одну из пятниц октября 1929 года разразился крах на нью-йоркской бирже. Тень «черной пятницы» нависла над Берлином, Франкфуртом-на-Майне и Дюссельдорфом. Первые толчки — предвестники потрясения — вызвали панику на биржах. И вот разрушительная волна, наступающая, останавливает заводы, миллионы людей выбрасывает на улицы.

Не обошла она и Флика. Все размеры потрясения стали ясны, когда верхушечное общество Стального треста «Гельзенкирхенер бергверке» потерпело крах на бирже. Курс акций упал до 20 процентов их номинальной стоимости. Казалось, его могло спасти только чудо.

Однажды клерки получили необычное поручение — инсценировать «галльскую опасность», якобы нависшую над стальной индустрией Германии в результате «трудностей», постигших «Гельзенкирхенер бергверке».

Французский металлургический концерн «Шнейдер-Крезо» давно уже вынашивал планы создания под своим контролем мощного франко-германского угольно-металлургического комплекса. Овладение «Гельзенкирхенер бергверке» было бы шагом к этому. В таком случае «Шнейдер-Крезо» захватил бы ключевую позицию в Стальном тресте с его 470 миллионами марок акционерного капитала.

Вести о «тяжелом положении» верхушечной компании Стального треста возбудили невероятный аппетит «Шнейдер-Крезо». Через французский кредитный банк «Кредит Лионнез» начинается усиленный зондаж. Это-

то и требовалось Флику. Вести о «секретных переговорах» проникли в печать. Разразился грандиозный скандал. Флика оправдывали: ведь «Шнейдер-Крезо» предлагает, по слухам, все 100 процентов номинальной стоимости за обесцененные акции. Его пожурили за «недостаток патриотизма», а правительство канцлера Брюнинга обвинили в бездействии.

Дальше все было разыграно, как по нотам. Правительство бросилось спасать «престиж» Германии и германскую стальную промышленность от «галльской опасности». Оно публично заявило, что намерено скупить акции «Гельзенкирхенер бергверке».

Флику оставалось назначить цену. Его пакет акций номинальной стоимостью в 110 миллионов марок оценивался на бирже немногим более 20 миллионов. Флик же потребовал в четыре раза больше. Не принять этот ультиматум значило поставить под вопрос существование самого правительства Брюнинга: вдруг Флик пойдет на стовор с французами, и пакет «Гельзенкирхенер бергверке», а следовательно, и контроль над Стальным трестом действительно попадут в руки «Шнейдер-Крезо» — французского металлургического концерна. Брюнинг капитулировал, и Флик получил в мае 1932 года в рейхсбанке 90 миллионов марок и был поднят на щит буржуазной печатью и нацистами как истый «немецкий патриот». Обман был очевиден. Веймарские политики, однако, сочли за благо покрыть его, дабы не раскрывать постыдную сделку.

Не успел Флик отпраздновать удачный исход финансовой авантюры, как правительство канцлера Брюнинга, не удовлетворявшего в полной мере крайнюю реакцию, пало. К власти пришел кабинет баронов, возглавленный прогитлеровцем Францем фон Папеном. Бояться разоблачения при таком правительстве было нечего. Но вот вопрос: не появится ли необходимость в

интересах укрепления власти крайне правой группировки, представленной кабинетом баронов, использовать скандальное соглашение Брюнинга — Флика для компрометации «более либерального» предшественника фон Папена, а вместе с ним и Флика? В таком случае зигерландскому магнату придется многим пожертвовать. Однако опасения оказались преувеличенными. Флик, несмотря на потрясения экономического кризиса, обладал достаточно мощным промышленным потенциалом, чтобы заставить молчать кого угодно. К тому же Флик мог рассчитывать на поддержку нацистских фюреров.

А поддержка эта была недвусмысленной. Нацистам не нужно было слишком напрягать память, чтобы вспомнить о чеке на 100 тысяч золотых марок, который еще в октябре 1923 года Гитлер получил через Эриха Людендорфа от промышленника Фрица Тиссена. На чеке стояла подпись и Фридриха Флика. В тот год, когда инфляция достигла своей высшей точки, это были довольно крупные деньги. Они пришлись весьма кстати. Нацисты тогда потерпели поражение в «пивном путче», предпринятом в Мюнхене с целью захвата власти. Гитлеру угрожал даже судебный процесс, который мог бы кончиться, как то предусматривало веймарское законодательство, смертной казнью за попытку государственного переворота. Разве могли нацисты теперь оставить в беде зигерландского магната, прошедшего еще тогда «аттестацию на верность»?

В июне 1932 года Геринг, будучи депутатом рейхстага, получает предписание фюрера «обследовать» обстоятельства соглашения Фридриха Флика и правительства Брюнинга. Обследование не было слишком придирчивым. Геринг публично поддержал сделку с «Гельзенкирхенер бергверке». Он обещал отстаивать ее, если дело дойдет до обсуждения в рейхстаге. Флик

со своей стороны обязался оказать финансовую поддержку нацистам. Сразу же после этой сделки Франц фон Папен поспешил засвидетельствовать, что нет сомнения в «правомерности» соглашения о «Гельзенкирхенер бергверке». Так благополучно закончилась очередная афера «гения спекуляции». От нее пострадал только немецкий народ.

Заговор в «стальном доме»

Вскоре Флику представился особый случай оказать нацистам ответную услугу.

Гитлеровцы потерпели поражение на парламентских выборах 6 ноября 1932 года. Они лишились 36 мандатов в рейхстаге. Коммунисты же увеличили число своих депутатов с 89 до 100 человек. Панику среди нацистов вызвали результаты выборов в коммунальные органы в земле Тюрингия: они потеряли там 40 процентов голосов.

Надрывно жаловался Геббельс на то, что «денежные заботы» угнетают нацистскую партию. Она задолжала государственной казне 400 тысяч рейхсмарок. Сатирики из мюнхенского журнала «Симплициссимус» сочиняли зазорные четверостишия на тему о том, что «Гитлеру худо и время фюрера прошло».

Однако промышленники и банкиры сделали иной вывод. Кризис перепроизводства, его тяжелые последствия нанесли удар по всей социально-экономической системе капитализма в стране. Голод и нищета пришли в дома миллионов семей. Число безработных подскочило почти до 6 миллионов. «Счастливы» из них получали пособие, самое большее, 53 марки в месяц. Недовольство грозило разрядиться социальным взрывом.

Хозяева Рура видели для себя один выход — прибегнуть к помощи нацизма. Надо лишь условиться о «деталях». Для этого и было созвано секретное совещание в рейнско-рурской столице — Дюссельдорфе. Его созвали не «где-нибудь в Дюссельдорфе», а по вполне определенному адресу: в главной резиденции Стального треста, в «стальном доме», на Людвиг-Кликманштрассе.

Необычное оживление царило 27 января 1932 года на этой улице банков и промышленных объединений. Мелькали лимузины, черные сюртуки. Скрытый телохранителями, незаметно прощмыгнул в дверь Гитлер. Его ждали 300 банкиров и промышленников. Среди них такие тузы, как Эмиль Кирдорф, Вильгельм Цанген, Альберт Феглер и, конечно, хозяин «стального дома» Фридрих Флик.

Они ждали от нацистского фюрера заверений о готовности расправиться с революционными отрядами рабочего класса в случае прихода его к власти и получили их. «Мы твердо решили полностью искоренить марксизм в Германии», — заявил Гитлер. Банкиры и промышленники мечтали о «жизненном пространстве» за счет других стран. Фюрер обещал начать «территориальную политику» — политику захватов. Они тосковали о колониальных владениях. Гитлер заверял, что приложит все усилия, чтобы народы в колониях оставались «рабами белых».

Удивительно ли, что «собрание выдающихся личностей» в «стальном доме», как расписывал потом в своих дневниках нацистский шеф печати Дитрих, «содрогалось от взрывов аплодисментов». Фридрих Флик поздравил Гитлера в числе первых. Приближенный фюрера Вальтер Функ вскоре свел «тонкого знатока конъюнктуры» из Зигерланда со своим боссом. А когда Функ совершал турне по рурским промышленным центрам для сбора средств на нужды нацистской пар-

тии, особенно сердечный прием он нашел у Флика. Его взнос был самым щедрым из всех — более 20 тысяч марок.

За один лишь 1932 год Флик передал нацистам специально на «политические цели» полтора миллиона марок. Неизвестно, сколько перепало им от него до этого. Руководители Рейнско-Вестфальского угольного синдиката, в который входил и Флик, в течение ряда лет отчисляли в нацистскую кассу 5 пфеннигов с каждой тонны проданного угля. По самым скромным подсчетам, это составило внушительную сумму в 6—7 миллионов марок.

Фридрих Флик охотно финансировал клику Гитлера. Но он хотел гарантии, что вложенный капитал вернется с процентами. Флик принял непосредственное участие в политической подготовке и организации нацистского переворота. В октябре 1932 года он подписал петицию участников совещания в «стальном доме», в которой прямо был поставлен вопрос о передаче власти Гитлеру. Эта петиция адресовалась президенту Веймарской республики Гинденбургу.

«Мы считаем долгом своей совести верноподанно просить Ваше Высокопревосходительство,— обращались к президенту банкиры и промышленники,— чтобы для достижения поддерживаемой всеми нами цели Вашего Высокопревосходительства было произведено образование такого кабинета, в результате которого за правительством станет наиболее мощная народная сила...» Такой силой авторы петиции считали нацистскую партию. Они рекомендовали президенту передать «фюреру крупнейшей национальной группы» (Гитлеру) руководство «президиальным кабинетом», составленным из «наилучших по своим деловым и личным качествам деятелей» (Геринг, Геббельс, Функ...). Эта петиция выдвигала недвусмысленное требование не

медлить с передачей полномочий германского канцлера Гитлеру.

Почему именно осенью 1932 года они пустили в ход все рычаги, чтобы привести Гитлера в имперскую канцелярию, разъяснил после краха третьей империи на допросе в Нюрнберге кельнский банкир Курт фон Шредер: «Когда 6 ноября 1932 года НСДРП (нацистская партия) потерпела первую свою неудачу и таким образом перевалила за кульминационный пункт своих успехов,—заявил он следователям,—поддержка ее германской тяжелой промышленностью стала особенно поспешным делом».

Участники совещания в «стальном доме» торопились спасти привилегии немногих с помощью правительства, которое, по словам того же Шредера, было бы способно «длительное время продержаться у власти». Как продержаться? Пусть даже террором, насилием — важны не методы, считал один из авторов петиции Гинденбургу — банкир Ялмар Шахт, важен результат. А нужного результата короли угля и стали ожидали, как позже отмечал Шахт в своих мемуарах, лишь от «системы военной диктатуры». Она и была навязана монополиями немецкому народу.

Следует серия встреч с нацистскими лидерами. Она началась совещанием с Гитлером 4 января 1933 года, была продолжена встречами в доме влиятельного магната угольной промышленности Эмиля Кирдорфа, переговорами с участием многих видных промышленников, в том числе Ширингорума — доверенного лица Фридриха Флика, в рурском городе Эссене. В результате этих встреч четко сработала послушная парламентская машина.

Четвертого же числа решено было созвать парламент, чтобы вынести вотум недоверия очередному канцлеру — генералу фон Шлейхеру. Не из-за того

вовсе, что он плохо служил королям угля и стали, а потому, что в Гитлере они видели лучшего слугу. 24 января фон Шлейхер освободил место имперского канцлера, а через 6 дней, то есть 30 января, Гинденбург утвердил новый кабинет во главе с Гитлером.

Ялмар Шахт, получивший посты президента рейхсбанка и министра хозяйства, мог написать своему фюреру: «Кампания по сбору подписей в деловых кругах в нашу пользу не была напрасной».

Поддержка фюрера — дивиденды Флику

20 февраля 1933 года узкому кругу промышленников и финансистов Гитлер доложил, как он будет оплачивать вексель. Его программное выступление сводилось к уничтожению «растленной демократии» (то бишь парламентской системы), разгону и аресту оппозиции, возрождению германской военной мощи. Таков первый взнос Гитлера.

Члены имперской ассоциации промышленников в свою очередь шлют фюреру за подписью Густава Круппа меморандум. В нем выражается «признательность» за понимание интересов германской промышленности. Они демонстрируют свое удовлетворение тем, что берут на себя расходы нацистской партии по организации выборов в рейхстаг. И на этот раз Флик не поскупился: он знал, за что платил Гитлеру.

Предвыборная кампания ознаменовалась 27 февраля заревом пожара над Берлином: горел рейхстаг. Это был сигнал к атаке на демократические силы. «Началось!»—

радостно потирая руки, воскликнул глава концерна «ИГ Фарбениндустри» Карл Дуисберг, оказавшийся в это время в гостинице «Адлон», что близ рейхстага. «С богом!» — аукнулось в берлинских департаментах концерна Флика.

По Вильгельмштрассе, перед имперской канцелярией, шли разъяренные штурмовики, а Гитлер горлачил через усилитель: «Теперь никакой пощады! Кто станет на нашем пути, будет низвергнут!»

Вот оно — «стабильное правительство», которого добивались хозяева тяжелой промышленности. Стабильный террор, стабильное бесправие, а с ними и стабильные доходы для магнатов. Для того чтобы это было так и не иначе, был создан «генеральный совет германского хозяйства», в котором Фридрих Флик занял весьма важные позиции. Фюрером одной из шести хозяйственных групп «генерального совета» — группы промышленности он посадил директора своего концерна — Тенгельмана.

Все складывалось как нельзя лучше для зигерландского промышленника. Правда, афера с «Гельзенкирхенер бергверке» привела к потере контроля над Стальным трестом. Его оттеснил Фриц Тиссен. Но, во-первых, Стальной трест перешел под контроль рейха, а с рейхом у Флика наилучшие отношения. Во-вторых, в его руках оставались акции предприятий, имевших большой удельный вес во всей системе Стального треста. Это позволяло ему оказывать влияние на деятельность треста, который наложил лапу на 75 процентов выплавляемой в Германии стали, на 50 процентов добываемого каменного угля. Влияние Флика было так велико, что он добился от рейха, когда это ему стало выгодно, передачи контрольного пакета Стального треста в частное владение, пусть даже его давнему сопернику — Фрицу Тиссену.

И помимо акций стального гиганта у Флика оставалось немало: полный контроль над так называемыми среднегерманскими металлургическими заводами — в Лауххаммере и Бранденбурге, в Ризе и Хеннигсдорфе, расположенными к востоку от Эльбы. В Баварии он безраздельно владел крупным металлургическим комплексом «Максимилиансхютте» с заводами в Зульцбах-Розенберге, Вайдорфе и Унтервелленхорне. К этому следует добавить его основной концерн — «Шарлоттенхютте», многочисленные пай в акционерных компаниях Верхней Силезии и, наконец, участие через «Шарлоттенхютте» в концерне «Рейнбраун», который контролировал буроугольную промышленность на левом берегу Рейна.

После потери «Гельзенкирхенер бергверке» металлургические заводы Флика лишились собственной каменноугольной базы. Ее нужно было создать. А этого можно добиться, если захватить крупнейшее в Рурской области угледобывающее акционерное общество «Харпнер бергбау АГ». Каким же образом? Председатель наблюдательного совета «Харпнер бергбау» Пауль Зильверберг решительно отверг домогательства Флика. Но этот видный промышленник был неариец. И Флик решил воспользоваться этим обстоятельством. Надо было только найти ключ к акциям «Харпнер бергбау». И Флик его находит.

Дело в том, что контрольный пакет рурского каменноугольного акционерного общества держал концерн «Рейнбраун», в котором частично участвовал и Флик. Все сводилось к тому, чтобы захватить пакет «Рейнбраун» и продиктовать акционерам свои условия. Так и происходит. В обмен на свой пай в «Рейнбраун» он добивается передачи ему пакета акций «Харпнер бергбау». В январе 1934 года, в годовщину захвата нацистами власти, Флик отметил свое вступление на пост

председателя наблюдательного совета концерна «Харпнер бергбау».

На процессе в Нюрнберге Флик пытался преуменьшить свою роль в гитлеровской расистской политике, например в так называемой аризации — насильственной конфискации имущества, принадлежавшего евреям. Он назвал себя в связи с этим всего лишь «комиссионером Геринга». Зигерландский «торговец концернами» явно скромничал. Только ли комиссионером Геринга он был, когда помогал этому имперскому маршалу, первому министру и председателю рейхстага подбирать отмычки к еврейскому имуществу. Флик не упустил возможности в порядке аризации проглотить крупные промышленные объединения. И не только методом купли-продажи...

В сотрудничестве с Герингом он скупает чешский концерн «Печек». Вместе с «ИГ Фарбениндустри» присваивает крупнейший в Европе концерн по добыче и переработке бурого угля — «Ангальтише коленверке АГ». А спровоцированная нацистами в ноябре 1938 года «кристальная ночь», сопровождавшаяся грабежами и убийствами, принесла Флику так называемый еврейский концерн по обработке металла «Равак унд Грюнфельд».

«Комиссионер смерти» — это, пожалуй, более подходит к одному из тех, кто вдохновлял поджог рейхстага, «кристальную ночь» и гонку вооружений.

Еще до того как Гитлер официально порвал международные соглашения, ограничивающие вооружение Германии, Флик развернул в крупных масштабах производство бомб и гранат. Это было в 1934 году. Через два года, когда Геринг заговорил о намерении «перевести всю экономику на военные рельсы», Флик уже снабжал вермахт танками.

Он мог вполне отнести к себе «особые заслуги» гер-

манской промышленности в перевооружении гитлеровской армии, которые публично восхвалял Густав Крупп в январе 1944 года. Король пушек тогда похвалялся: «В результате многих лет тайной работы был заложен научный и массивный фундамент для того, чтобы снова начать работать для германских вооруженных сил в назначенный час без потери времени и утраты опыта».

В первый же день второй мировой войны Гитлер собрал депутатов рейхстага, чтобы перед «избранными» провозгласить захватническую программу третьего рейха. Он заявил, что для ее осуществления на вооружение вермахта за 6 лет было затрачено 90 миллиардов рейхсмарок. Здесь следовало бы добавить, что немало этих средств осело в сейфах Флика.

Но для него и это было крохами по сравнению с тем, что ожидалось от грабительской войны. Он мечтал вместе с нацистскими фюрерами: «...если Германия выиграет войну, она будет величайшей державой, господствующей на мировом рынке, и станет богатой страной. Надо рисковать, чтобы добиться этой цели».

Нацистская агрессия доставила народам мира много горя и лишений. Принесла она тяжкие страдания и немецкому народу. А Флику? Флику — неисчислимы богатства. Именно в эти годы его промышленная империя разрослась в гигантский спрут, невиданную еще кузницу оружия. На своих заводах он выпускал боеприпасы, танки, самолеты. Уголь, сталь, химическая продукция Флика составляли основное сырье огромного количества военных предприятий.

Зигерландский спекулянт объединил к концу войны 12 крупнейших компаний более чем со 120 предприятиями под крышей своего концерна «Фридрих Флик коммандитгезельшафт». Он за короткий срок сколотил империю более обширную и могущественную, чем Крупп за 150 лет. По объему продукции, предназначен-

ной в основном для военных целей, с ним мог поспорить разве лишь концерн Геринга, созданный, впрочем, не в последнюю очередь усилиями того же «комиссионера смерти» — Фридриха Флика.

Гитлер считал, что нет таких почестей, которые были бы слишком велики для Флика. Он сделал его своим советником и назначил фюрером военной экономики (вервиртшафтсфюрер). Нацистская газета «Дас рейх» («Империя») заметила: «Он заслужил это».

Следы преступлений ведут на Белев्यूштрассе

Сотрудничество Флика с Гиммлером общеизвестно. Его перестал отрицать и сам зигерландский промышленник после того, как оно было документально доказано на Нюрнбергском процессе. Вот извлечение из протокола допроса.

Вопрос. Не получали ли вы (Флик) в 1944 году вместе с другими членами кружка Гиммлера маленького подарка от Гиммлера?

Флик. Что я получал?

Вопрос. Подарок.

Флик. Подарок? Этого я бы не сказал. Я получил с фарфоровой фабрики в Аллахе небольшую фигурку всадника, которую можно приобрести в магазине за 25 марок. Об этом я помню.

Вопрос. Предположим, что это было всего 10 пфеннигов. Вы, однако, приняли подарок и знали, что он от Гиммлера?

Флик. Да. Пакет поступил ко мне, и я могу с уверенностью предположить, что на нем в качестве отпра-

вителя стояло имя Гиммлера. Я могу сказать это с известной уверенностью. Однако точно утверждать я не могу.

Вопрос. Но ваши подарки Гиммлеру были насколько больше?

Флик. Да, гораздо больше, 100 000 марок в год.

Эти «подарки» Флик делал Гиммлеру ежегодно начиная с 1934 года, когда он и стал членом так называемого «кружка друзей» эсэсовского главара.

А что это за кружок? В него входили «избранные, политически верные и лояльные люди», свидетельствовал на допросе один из эсэсовских фюреров Освальд Поль, повешенный по приговору военного трибунала в Нюрнберге.

Принадлежал ли к таким «лояльным людям» Флик? Вспомним утверждение личного адъютанта Гиммлера генерала СС Карла Вольфа, который указывал на допросе, что Флик «был верен идеалам СС», и подчеркивал: «Он и теперь не будет пытаться отрещиваться от них».

Флик действительно остался верен прошлому. Он попытался даже оправдать эсэсовских палачей, а свои связи с ними объяснить «культурными интересами».

«Культуртрегер» Флик, конечно, отлично знал, с кем имел дело в «кружке друзей». Вот Освальд Поль. Он заправлял административно-хозяйственным ведомством СС. В его ведении были концлагеря, откуда Флик черпал рабочую силу. А кто такой Отто Олендорф, тоже член «кружка друзей»? Руководитель так называемых «ейнзатцгруппен» — карательных отрядов во временно оккупированных районах, обеспечивавших поставки «иностраннных рабочих» концерну Флика.

Из своей берлинской резиденции Флик лично следил за этим. На Белев्यूштрассе стекались доклады, вроде

письма Кюттенера, одного из директоров концерна. В апреле 1942 года тот бахвалился, что, мол, эшелоны с восточными рабочими идут без задержки. «Предусмотрено, — докладывал он Флику, — еженедельно отправлять в рейх 105 эшелонов по 1 тысяче восточных рабочих в каждом... Эту норму едва ли удастся выполнить, но так или иначе в рейх будет прибывать по 80 тысяч человек в неделю».

40 тысяч насильственно угнанных в Германию мужчин, женщин, подростков, военнопленных и заключенных концлагерей постоянно работали на предприятиях Фридриха Флика. Он подумал и о том, чтобы создать собственные концентрационные лагеря, которые представляли бы для него резерв рабочей силы. Сохранились документы, подтверждающие, что с одобрения Флика его ближайший сотрудник Вейс не раз затребовал «восточных» военнопленных из лагерей смерти, с тем чтобы заставить их работать, прежде чем убить.

По личному указанию Фридриха Флика в отношении всех «иностраных рабочих» был установлен жесточайший режим. Над ними издевались, их били, истязали. Один из свидетелей по делу Флика в 1947 году на Нюрнбергском процессе рассказывал: «На Лауххаммерверк в Грёдице насильственно угнанных наказывали 20 или 25 ударами прута при наималейшей невнимательности или тогда, когда они в результате истощения были не в состоянии выполнить требуемую от них работу». На предприятиях Флика наблюдалась наибольшая смертность — следствие нечеловеческих условий жизни и репрессий.

На службе Фридриха Флика находились сотрудники гестапо и охранники. Потом, когда все это взвешивалось на весах правосудия в Нюрнберге, американские судьи вынуждены были признать в своем приговоре по делу

Флика, что он и его сообщники «сделали все, чтобы получить все возможные преимущества из программы применения рабского труда».

Фридрих Флик позаботился о том, чтобы войти в состав так называемого «русского комитета германского хозяйства». Комитет ставил своей целью увеличить военный потенциал фашистской Германии. С «русским комитетом» был тесно связан так называемый «штаб Ольденбурга», на руководящие посты в котором были посажены представители крупнейших германских монополий. Не последнее место занимали в нем и представители концерна Флика.

Особый пост генерального инспектора по сбору и использованию сырья в оккупированных восточных областях занял генерал-лейтенант Вальтер Виттинг, тесно связанный с концерном «Фридрих Флик КГ». О тесных связях, какие поддерживал этот генерал с концерном Флика, можно судить по его сохранившейся корреспонденции. Так, 1 сентября 1941 года еще до назначения на этот пост Виттинг сообщил генеральному директору одного из фликовских предприятий в Саксонии Брунсу: «Мой переход на другую должность произойдет в ближайшее время. Я договорился обо всем 22 августа с соответствующими статс-секретарями. Не хватает только подписи рейхсмаршала. Я ожидаю ее каждый день. Тогда я в качестве генерального инспектора всех восточных областей направлюсь в Берлин, а затем на Восток — так далеко, насколько дойдут наши войска; следовательно, доберусь на самолете до Владивостока и Туркестана, и я с интересом ожидаю Ваших пожеланий».

Виттингу пришлось остановиться у Волги и вместе с побитым гитлеровским воинством откатываться на запад. Но между тем генерал-мародер успел побывать, как сообщил он своим боссам, в Донбассе, посетил Ма-

риуполь, Запорожье, Днепропетровск, Полтаву, Кременчуг. По делам Флика он беседовал с генерал-полковником фон Клейстом, фельдмаршалом фон Рейхенау и «кучей других людей». «Мариуполь, — писал Виттинг, — настоящий оазис в пустыне развалин. Азовский металлургический завод, заводы имени Ильича и Куйбышева почти не повреждены. Вы, конечно, испытаете удовольствие, увидев эти три завода. Мне предоставили в распоряжение на 14 дней самолет генерал-фельдмаршала Кейтеля и его экипаж... О технических делах в Донбассе я охотно расскажу после Нового года».

Неизвестно, что рассказал нацистский генерал Виттинг представителям концерна Флика в последующих донесениях. Известно лишь, что Фридрих Флик захватил ряд крупных предприятий в Днепропетровске, Луганске. Он сколотил так называемые «опекунские управления» «Днепр-шталь ГМБХ», «Берг-унд хюттенверке ост».

Бесчисленны преступления, совершенные теми, кто от имени и по поручению Флика бесчинствовал, грабил на советской земле. Но пусть не считает Флик, что ему самому удалось остаться лишь неопознанной тенью. Флик лично должен нести ответственность за все, что было совершено нацистами — его ставленниками.

И это относится не только к учиненным ими преступлениям на Востоке. Ведь и на Западе рыскали виттинги. В генеральских погонах и без них шли они по следам гиммлеровских карателей и вермахта в Бельгии и Голландии, Дании и Франции. Как и на Востоке, насаждали они рабство, вынюхивали чужое добро, грабили национальное достояние. Фликовские заводы и для «западных рабочих» были перевалочным пунктом на пути к лагерям смерти. Металлургические заводы в поработанных странах Западной Европы также насильственно присоединял Флик к своему концерну. Такова

была, например, участь лотарингских металлургических заводов «Ромбахютте».

Фриц Тиссен вступил в нацистскую партию еще в 1923 году, чтобы, по его словам, осуществить идею создания германской промышленной империи «от Бордо до Одессы». Когда нацистский корабль дал течь, Тиссен предпочел переждать кораблекрушение в уютной вилле в Швейцарии. Флик же до конца шел с нацизмом, чтобы осуществить мечту Тиссена. А конец известен: вместе с крахом третьего рейха лопнула сумасбродная мечта, а с ней и промышленная империя, сколоченная в прямом смысле железом и кровью.

«Дело № 5», или поощрение вместо наказания

В числе 42 германских промышленников, по заключению американской сенатской комиссии Килгора, Флик должен был предстать перед судом и отвечать за свои преступления. Администрация США сократила этот список до минимума. Но и в сокращенном списке среди промышленников-преступников Флик оказался на одном из первых мест.

В укромном курортном местечке в предгорьях баварских Альп в Западной Германии его обнаружили и арестовали. Это было 13 июня 1945 года. У властей США не было иного выбора, кроме как посадить военного и нацистского преступника за решетку. Американский военный трибунал № IV в Нюрнберге завел «дело № 5».

По международным соглашениям концерн «Фридрих Флик КГ» подлежал ликвидации. Так и было сделано на востоке Германии. Уже 14 ноября 1945 года прези-

диум немецкого земельного управления в Саксонии постановил конфисковать шахты и заводы крупнейшего в Германии объединения буроугольных предприятий «Ангальтише коленверке». Флик лишился металлургических заводов «Меттельдейче штальверке» в Ризе, сталелитейных предприятий «Дёлен», а также крупного вагоностроительного завода «Буш» в Баутцене.

В собственность народа перешли металлургические заводы в Хеннигсдорфе и Бранденбурге. Флик потерял значительные капиталы в других предприятиях. Была разрушена сложная система участия, с помощью которой он командовал концернами, перекупал и перепродавал их, наживая огромное состояние. Подсчитано, что на востоке Германии у Флика было конфисковано три четверти всех его владений.

Над западногерманскими центрами империи зигерландского промышленника была установлена опека. Международные соглашения, законы о национализации, принятые в первые послевоенные годы в ряде земель Западной Германии, требовали более решительных санкций. И казалось, наступил конец карьере «комиссионера смерти». Но так только казалось. «Дело № 5», заведенное на Флика в американском трибунале, помогло ему положить начало третьей промышленной империи.

Два года продолжалось и без того подозрительно затянувшееся следствие. Еще шесть месяцев шел процесс этого одного из немногих германских промышленников-преступников, привлеченных Соединенными Штатами к суду. 10 тысяч страниц документов, свидетельских показаний подтвердили предъявленное ему обвинение в совершении тягчайших преступлений. А трибунал в Нюрнберге, вопреки всякой логике, осудил Флика к минимальному сроку заключения — 7 годам тюрьмы. Главный американский обвинитель на этом процессе

Телфорд Тейлор отмечал впоследствии, что приговор по делу Флика «был чрезвычайно, если не сказать нарочито, мягким и примирительным».

А как изощрялись судьи из Соединенных Штатов, чтобы выгородить этого матерого представителя германского «большого бизнеса»? И все же вынуждены были признать, что Флик участвовал в преступлениях СС. Однако такое решение не помешало им попытаться смягчить его вину несостоятельными ссылками на «двуличие Гимmlера», «страх перед отмищением». В финансировании СС суд увидел всего лишь... проявление «культурных интересов».

Было доказано — Флик совершил тягчайшие преступления против человечности. Даже трибунал признал, что он и его сообщники «в очень высокой степени ответственны за создание гнусной системы рабского труда». И тем не менее в приговоре утверждается, что они «не желали того, чтобы использовать иностранных рабочих».

Установлено, что Флик применял насилие с целью, как говорится и в приговоре, заставить владельцев собственности отказаться от права на нее. Он насильственно присваивал заводы и другое имущество в европейских странах, используя для этого поддержку СС и вермахта. И в этом у американского суда нашлась оговорка, что Флик якобы «не имел намерения своими действиями принять участие в спланированной Гитлером программе систематического разграбления».

До какого цинизма дошел американский трибунал в стремлении выручить Флика из беды, показывает редкостное в судейской практике утверждение, содержащееся в приговоре по его делу: «Желать чужого является грехом по Библии, но не является нарушением гаагских соглашений и военным преступлением».

Но и такой приговор явно пришелся не по вкусу

влиятельным кругам в западных странах, и прежде всего в Соединенных Штатах Америки. Еще бы! Разве могли они согласиться с осуждением человека их круга. Вскоре после вынесения приговора были предприняты многочисленные попытки отменить его. Одна попытка исходила из Вашингтона, другая — из окружного суда федерального округа Колумбия. Вашингтонские ходатаи в отношении Флика лицемерно ссылались в своем прошении на английский основной закон 1679 года «Хабеас корпус акт» о «неприкосновенности личности» и взывали к человечности. Прощение окружного суда округа Колумбия было менее эмоционально: оно просто требовало восстановить военного преступника во всех правах.

Разгадка настойчивых домогательств, к которым внимательно прислушивались американские власти в Западной Германии, довольно проста. За спиной тех адвокатов, которые бомбардировали ходатайствами верховного комиссара США в Германии и высокопоставленных чиновников, стоял вдвойне могущественный Уильям Аверелл Гарриман — мультимиллионер, тогда руководитель программы «плана Маршалла» и министр торговли США. Не будем гадать, пользовался или не пользовался Флик его симпатиями. Во всяком случае, чего не сделаешь для партнера по бизнесу.

А «деловые» пути-дороги американского магната сошлись с фликовскими еще в 20-х годах. Молодой Гарриман, получивший от своего отца наследство в 100 миллионов долларов и занявший пост вице-президента крупной железнодорожной компании «Унион пасифик рейлроуд», после первой мировой войны ринулся в европейские финансовые аферы. Как и Флик, он скупает обесцененные в результате инфляции акции в тяжелой промышленности Австрии, сталкивается с Фликом при попытках захватить контроль над польским

акционерным обществом «Гише» с его каменноугольными шахтами и заводами по производству цинка, а также верхнесилезским металлургическим комбинатом «Бисмаркхютте».

Соперники предпочли прийти к обоюдовыгодному соглашению за счет других. Флик добился через имперское правительство контроля над «Кёнигсхютте», «Лаурхютте» и другими металлургическими заводами в Верхней Силезии. Акции этих предприятий он с выгодой передал сначала ряду швейцарских фирм, а затем группе Гарримана. На одной из спекулятивных операций в Верхней Силезии американский партнер Флика также приобрел акций на несколько миллионов долларов, заплатив за них сумму безделицы. Гарриман не остался в долгу. Он помог Флику обосноваться в крупной американской компании в штате Колумбия.

Когда же через много лет Флика подвела нацистская «лошадка», на которую тот сделал крупнейшую за многие годы своей игры ставку, Уильям Аверелл Гарриман пришел на выручку. Последнего не смутила основательно подмоченная репутация Флика, соучастника злодеяний СС. И хотя германскому промышленнику пришлось отсиживать в тюрьме Ландсберг в компании с такими же преступниками, в ее стенах он чувствовал себя великолепно, словно являлся гостем более удачливых партнеров. Там ему было уютно почти так же, как в былые времена где-нибудь на берлинской Белевюштрассе или в «стальном доме» в Дюссельдорфе.

Тем более что американские власти начали публично поносить «нюрнбергские прецеденты», увидя в них посягательство на частную собственность. Ведь заявил же президент США Гарри Трумэн: Соединенные Штаты придают большее значение свободе предпринимательства, чем поддержанию мира.

Отсюда один шаг к реабилитации и новому «парт-

нерству». Верховный комиссар в Германии Люшьес Клей предостерег тех американских чиновников, которые не усвоили «доктрину Трумэна» применительно к промышленной элите третьего рейха: «Если вы на основании того факта, что человек в течение 13 лет при Гитлере делал деньги, — говорил он, — будете привлекать его к ответственности, то вы заранее лишитесь всех, кто обладает способностями и опытом».

Это было сказано в 1949 году, а в следующем году сменивший генерала Клея на посту верховного комиссара Джон Макклой отдает приказ о досрочном освобождении Флика. Осужденный на семь лет не отсидел и двух с половиной. Он снова был нужен. Ведь тогда же Джон Макклой привез с собой решение Вашингтона начать восстановление «германской мощи», а западногерманский канцлер Конрад Аденауэр в известном меморандуме предложил немецкие контингенты для вооруженных сил НАТО.

А в том, как возродить военно-промышленный потенциал, Флику не занимать опыта...

Итак, снова в недалекой перспективе военный гешефт: сталь, механизмы для армии. Все это придет само собой, по логике событий. А пока главное — укрепить фундамент, продолжив дело, начатое еще в тюремной камере Ландсберга.

Сделано же там было немало. В Ландсберге Флик не терял времени. На протяжении двух лет дважды в неделю являлся к нему Конрад Калеч, его зять, ближайшее доверенное лицо. Приходили директора компаний и предприятий, западногерманские и иностранные лоббисты — ходатаи по его делам. Концерн находился под опекой оккупационных властей. Но никто не мешал операциям и маневрам Флика, цель которых сводилась к одному: сохранить под контролем то, что осталось на западе Германии.

Но для этого надо было обойти союзнические законы о «декартелизации». Из концерна выделяются крупнейшие металлургические заводы «Максимилиансхютте» в Зульцбах-Розенберге и «Хохофенверк» в Любеке, каменноугольные объединения «Монополь-бергверксгезельшафт» и «Штейнколенбергверке» в Эссене. Каждое из них было поставлено под наблюдение доверенных лиц. Создается формально независимая компания под названием «Меркур-гезельшафт фюр индустри-унд хандельсунтернемунг». Во главе ее Флик ставит непосредственно своих сыновей.

Подобный трюк Флик использовал в другой связи и раньше. Показательна такая его махинация. Начиная с 1937 года он передал своим сыновьям 90 процентов капитала головной фирмы своего концерна в форме подарка. Но в дарственном договоре Фридрих Флик оставил за собой все права на управление и распоряжение имуществом, право изменять договор по собственному усмотрению. В чем же состоял смысл «дара»? Это была всего лишь юридическая фикция, позволяющая избежать налогов, которые в будущем могут быть взысканы при передаче наследства.

Когда позже, в 1963 году, старший сын Отто Эрнст, уставший ждать наследство, предъявил в земельный суд Дюссельдорфа иск к отцу, потребовав своей доли в головной фирме концерна, Фридрих Флик обвинил его в «грубой неблагодарности» и лишил «дара». На процессе обнаружилась не только грязная склока, грызня внутри «благородного семейства» Флика вокруг его миллионов. Процесс добавил еще несколько штрихов, характеризующих методы и «мораль» зигерландского делателя денег, как и его наследников, отлично усвоивших опыт папаша.

Однако вернемся к послевоенной деятельности Флика. Без затруднений завершив аферу с мнимой «де-

картелизацией», он в первые же годы после тюрьмы появился в числе промышленных звезд первой величины на западногерманском небосклоне. К тому же вскоре, в 1952 году, в его полное владение переходят «Максхютте» и «Хохофенверк» в Любеке, химические заводы «Бергкамен». Восстанавливаются старые связи. Он входит в состав наблюдательного совета электротехнического концерна «АЭГ». Возвращается на прежнее руководящее место в мощной банковской группе «Дрезднер банк», под контролем которой к концу войны было более 2 миллиардов марок акционерного капитала.

Флик и не думал ограничиваться владениями и связями, которые остались от времен его прежней промышленной империи. В годы инфляции он начал неизвестным промышленником из Зигерланда, достиг позиций многоопытного «торговца концернами». Он возродил и преумножил свое могущество после потери безраздельного контроля над Стальным трестом. Тем больше шансов у него теперь, при боннском режиме, весь смысл существования которого сводится к тому, чтобы служить монополиям и их властителям.

Флик был еще в тюрьме, а оккупационные и западногерманские власти уже постарались услужить ему. За счет «особых резервов» были частично покрыты потери концерна на востоке Германии. В то время как население во время денежной реформы получило одну марку в обмен на десять, предприятиям Флика был разрешен обмен капитала в соотношении один к одному.

Это создало широкую основу для спекуляций. Начал Флик с попыток сбыть фиктивные акции. И не без успеха. В результате сложной операции с рурской шахтой «Цехе Виктория» он продал фиктивные акции бывшего объединения буроугольных предприятий «Ангальтише коленверке АГ». Так к его капиталу прибавилось

несколько десятков миллионов, а точнее, 30—40 миллионов марок. Дело-то в том, что предприятия, «акции» которых запродавал Флик, принадлежат не ему, а давно уже являются народной собственностью ГДР.

Очевидное жульничество. Боннское государство оплатило его. А расходы списало в счет возмещения ущерба, понесенного Фликом в результате конфискации в ГДР. Украденные у налогоплательщиков миллионы спекулянт использовал для того, чтобы шаг за шагом расширять новую империю, обращая внимание на все, что плохо лежит.

А плохо лежало в ФРГ, по его убеждению, прежде всего то, что относится к государственной собственности, образовавшейся частью из национализированных владений нацистских руководителей, частью из владений третьего рейха. Например, машиностроительные заводы «МАК Maschinenbau AG» в Киле. Вместе со своим старым партнером и соперником — концерном Стиннеса он приобрел их у правительства земли Шлезвиг-Гольштейн.

Легкой добычей Флика стали некоторые предприятия бывшего Стаального треста. В его сейфы попадает крупный пакет акций металлургического завода «Густальверке Виттен». Он проникает в металлургический концерн «Рейнише штальверке». Весьма характерен интерес Флика к концернам, имеющим непосредственное отношение к военному производству. Так, он захватывает компанию «Динамит акциенгезельшафт».

Уже к началу 1954 года концерн «Фридрих Флик КГ» контролировал предприятия, которые, по данным западной печати, оценивались в 520 миллионов долларов. И это не считая его паевых участия в 129 акционерных обществах. В них же Флику принадлежали акции на сумму в 400 миллионов долларов.

От танковой брони к ракетам и атому

Для Флика боннское «экономическое чудо» означало возрождение. Но не только возрождение старого — империи угля и стали. Замыслы Флика на уровне века. А это — автопромышленность, авиация, ракеты, атом...

В те осенние дни 1955 года, когда первые солдаты только что созданного западногерманского бундесвера отбивали шаг на площади перед ратушей Мюнхена, в одной из фешенебельных гостиниц города завершалась важная сделка, положившая начало активному проникновению Флика в автомобилестроение. Его маклеры скупали акции баварского акционерного общества «Ауто-унион АГ». Привлекали не столько текущие дивиденды, сколько будущие.

«Ауто-унион», когда-то процветавший на вооружении гитлеровского вермахта, теперь испытывал финансовые трудности: он безнадежно отставал в послевоенной схватке конкурентов. Но Флик знал и другое. Время процветания может еще вернуться. Впереди — крупные военные заказы. Они-то наверняка перекроют временные издержки. К тому же «Ауто-унион» пользовался симпатиями баварца Франца Иозефа Штрауса, который в то время был министром по вопросам атомной энергии и вскоре стал военным министром.

И вот мы уже читаем в печати краткое, малоприметное сообщение: Флик приобрел акции «Ауто-унион». Сколько? Сначала 25 процентов. Для Флика этого вполне достаточно. Со временем, если будет ему необходимо, можно поглотить и весь концерн. В последующие годы так и произошло.

Одновременно Фридрих Флик подбирает ключи и к

другому автомобильному концерну — «Даймлер-Бенц АГ». Здесь его привлекло звонкое имя, марка концерна, многолетние традиции. С ним ведь связаны наиболее значительные успехи в германском автомобилестроении. Однако главное же было в другом: Флик поставил цель завладеть автомобильной промышленностью ФРГ, а «Даймлер-Бенц АГ» — своего рода ее жемчужина. Акционерное общество «Даймлер-Бенц АГ» с его семью крупными заводами и почти 80 тысячами рабочих выпускает широко известные легковые и грузовые автомашины. По обороту капитала оно занимает одно из первых мест среди западногерманских концернов. «Даймлер-Бенц АГ» обладает разносторонним и богатым опытом в военном производстве. Во вторую мировую войну концерн поставлял не только автомашины для вермахта. Он снабжал авиационную промышленность моторами. А это в планах Флика на будущее немаловажная деталь.

Но возник вопрос: как завладеть «жемчужиной» западногерманской индустрии? Если идти в открытую, вспугнешь конкурентов, а это прежде всего американцы, которые владеют заводами «Форд» в Кёльне и «Опель» в Рюдесгейме. Вряд ли могущественный Форд, а тем более «Дженерал моторс», который проявляет особый интерес к штутгартским автозаводам, легко допустят Флика к дележу лакомого пирога. Да и слишком одиозно имя военного преступника. Не исключено, что открытая атака на «Даймлер-Бенц АГ» вызовет нежелательную реакцию у населения Западной Германии.

Флик избирает испытанный метод «бесшумной отмычки»: никакого ажиотажа, никакой огласки, операция при помощи третьих лиц. Разве не приносил он успех раньше? Разве не так сколачивал Флик свои промышленные империи — до Гитлера и при Гитлере? Почему бы не использовать не раз оправдывавший себя

метод и в «эру Аденауэра — Эрхарда». Тем более что игра началась при удачной раскладке карт. Близкая к нему банковская группа — «Коммерц-банк», «Зюддейче банк» и «Рейн-Майн банк» — контролировала более 40 процентов акционерного капитала концерна «Даймлер-Бенц АГ».

Минуя биржу, Флик скупил у этой группы через подставные фирмы пакет акций на 18 миллионов марок, а затем еще пай в 5,5 миллиона марок. Почти 33 процента акционерного капитала оказались в его руках. Это дало право определять решения «собрания акционеров».

Накануне, как рассказывают, между Фликом и маклерами, которые «пронюхали» операцию, состоялся такой разговор:

— Вы интересуетесь «Даймлером»?

— Что только мне не припишут, — возразил невозмутимый Флик.

Через несколько дней Флик был введен в наблюдательный совет «Даймлер-Бенц АГ». А это значило, что солидный пакет акций концерна перекочевал в его сейф.

При каждой удаче разгорается аппетит спекулянта. Он представляет себя уже диктатором в автомобильной промышленности. И не скрывает больше, что стремится к этому. А почему бы и не попробовать? Правительство решило передать в частные руки «Фольксвагенверк» в Вольфсбурге. Хороший шанс. Закон боннского бундестага о распродаже государственных акций этих автозаводов не позволяет совершить захват одним махом. Но кто ставит перед собой такие большие цели, должен рассчитывать на многие годы вперед. Так думал Флик. И нельзя сказать, что его расчет был нереален.

Любопытный разговор состоялся между корреспондентом гамбургского журнала «Дер шпигель» и тогдашним министром хозяйства и вице-канцлером Людвигом Эрхардом. Речь шла об опасности «чрезмерной

концентрации» в автомобильной промышленности. «Дер шпигель» отмечает: «Говорят, что Флик имеет 35 процентов в «Даймлер-Бенц», 25 процентов через «Максхютте» в ДКВ (эта фирма ныне называется «Ауто-унион АГ». — Б. С.). В течение десятка лет он, систематически приобретая небольшие паи, получит «квалифицированное меньшинство»¹ в «Фольксвагенверк». И вот мы уже сталкиваемся с еще невиданной в Германии автомобильной монополией».

Людвиг Эрхард мог бы возразить. Тем более что разговор зашел о возможности проникновения крупного промышленного магната, да еще «густо-коричневого», в «Фольксвагенверк», объявленный образчиком так называемого «народного капитализма» (там в демагогических целях поощряется продажа акций рабочим). Но Эрхард не возразил. И не потому ли, что Флик действительно рвется к созданию автомобильной монополии, а боннская система «рыночной экономики» способствует этому... Да и что может остановить Флика, если впереди ждут такие награды за «труды». В 1958 году, например, только на спекуляции с акциями «Даймлер-Бенц АГ» он «заработал» 148 миллионов марок. А как можно развернуться, будь в его руках вся автопромышленность боннского рейха!

Теперь-то известно, что все эти годы Флик упорно, настойчиво подбирал ключи к «Фольксвагенверк». И вот уже сделан первый шаг к заветной цели. В октябре 1964 года образовалась своеобразная ось «Даймлер» — «Фольксваген», за спиной которой четко вырисовывается злобная фигура Флика.

Именно ему принадлежат 160 из 406 миллионов ма-

¹ «Квалифицированное меньшинство» — минимальное количество акций, которое дает возможность монополистам осуществлять контроль над акционерным капиталом.

рок основного капитала «Даймлер-Бенц». По курсу на октябрь 1964 года это составляло 1,2 миллиарда. Кто может поспорить с таким grossакционером? Банкир Герман Иозеф Абс? Но он имеет в «Даймлере» лишь 27 процентов, а братья Квандт и того меньше — 14 процентов. В концерне «Фольксваген» самый крупный акционер — государство. А с ним Флик в наилучших отношениях.

«Соглашение о сотрудничестве» между обоими гигантами, таким образом, дало в руки Флика рычаг, с помощью которого можно оказывать существенное влияние на «Фольксвагенверк». За это заплатил он лишь тем, что предоставил новому партнеру право участвовать в модернизации и расширении заводов «Ауто-унион», при сохранении 50 процентов капитала (80 из 160 миллионов марок).

Есть в этой сделке и еще одна важная сторона. Она обращает на себя особое внимание. Дело в том, что ось «Даймлер» — «Фольксваген» — картельное соглашение, острием своим направленное против американских конкурентов в ФРГ, да и не только в пределах Западной Германии. Ведь концерны «Даймлер-Бенц АГ» и «Фольксваген» ведут широкую экспансию на внешнем рынке. И, следует отметить, с немалым успехом. Об этом свидетельствуют такие любопытные сравнения. Американский гигант «Дженерал моторс» в 1963 году выпустил 4,66 миллиона автомашин разных типов, «Форд мотор компани» — 2,39 миллиона, а фликовские заводы — 1,43 миллиона автомашин. Третье место среди автомобилестроительных концернов капиталистического мира! Вот Флик и «бетонирует» свои позиции, чтобы не только удержать их, но и потеснить своих американских конкурентов всюду, где это возможно.

Фридрих Флик пристрастился не к одним лишь автомобилям. После того как 5 мая 1955 года были подпи-

саны парижские соглашения, западногерманская промышленность, вопреки известным международным обязательствам, получила право строить самолеты всех типов, включая даже реактивные истребители и бомбардировщики. С новой, еще большей силой разгорелись милитаристские аппетиты. Реваншизм торжествовал.

Оценивая смысл этого и других подобных решений западных держав, вступивших в сговор с Бонном, парижская газета «Орор» заметила, что по данному поводу «Франция, конечно, не будет устраивать иллюминации». Зато Флик устроил их. Он сразу же принялся отвоевывать удобное местечко в авиапромышленности ФРГ.

Вышел из подполья бывший главный конструктор заводов «Фокке-Вульф» профессор Курт Танк. Он первым явился к Флику, предлагая «начать дело». До сих пор матерый нацист скрывался в Аргентине, спасая свою шкуру от народного гнева. Теперь он решил, что пришла пора действовать. Флик оказал финансовую поддержку и другому нацисту — главному конструктору бывшего авиазавода «Арадо» в Бранденбурге профессору Вальтеру Блюме. И тот вновь основал конструкторское бюро в Дуисбурге.

Итак, Флик создает «точки опоры» в нарождающейся авиапромышленности. Он основывает фирму под названием «Зибель» с резиденцией в Мюнхене. В нее вошли захваченные Фликом западногерманское отделение бывшей компании «Альгемейне транспортанлаген гезельшафт» в Лейпциге и часть заводов, принадлежавших крупному авиастроителю гитлеровской Германии Фридриху Вильгельму Зибелю.

Генеральный директор фликовского «Максимилиансхютте» Одило Буркарт добивается приобретения 26 процентов («квалифицированного меньшинства») акций авиационной фирмы «Мессершмитт АГ» в Аугс-

бурге, поставлявшей во время войны стервятников Гитлеру. Другие «комиссионеры» Флика нацеливаются на моторостроительные заводы «БМВ трибверкбау» и «МАН турбомоторен».

На юге ФРГ создается крупное монополистическое объединение авиапромышленности с участием таких фирм, как «Хейнкель», «Дорнье» и фликовских «Мессершмитт» и «Зибель». Они образовали «рабочее содружество» по производству ряда военных реактивных самолетов. Одновременно «Хейнкель» и «Мессершмитт» вместе с фирмой «Бёльков» создали конструкторское бюро «Ентвиклюнгсринг зюд». Правительство в Бонне исходило из того, что вокруг «рабочего содружества» и конструкторского бюро «Зюд» сконцентрируются и все другие авиапредприятия.

Успеть прибрать к рукам все это — чем не цель для Фридриха Флика! Тем более что времена, когда «Мессершмитт» делал трехколесные коляски, давно позади. Более 30 тысяч рабочих на многих заводах, свыше 1200 конструкторов в шести научно-исследовательских институтах, многие тысячи других специалистов уже в 1962 году, как бахвалился профессор Карл Талау, один из руководителей фирмы «Хейнкель», подняли авиапромышленность боннского рейха до «международного уровня».

Поглубже проникнуть в авиационную промышленность Фридриха Флика толкало и другое обстоятельство. Ведь не секрет, кто владеет ею, тот — хозяин и ракетной промышленности. Создали же фирмы «Бёльков», «Хейнкель» и «Мессершмитт» ракетоплан «Jv-101c» — самолет с вертикальным взлетом и посадкой, оставив позади аналогичный английский проект вертикально стартующего самолета «Р-1127». За первым последуют другие ракетные аппараты, управляемые и неуправляемые, тактического и стратегического значе-

ния, радиуса действия ближнего, среднего, а там, смотришь, и до глобальных недалеко!

И останутся тогда позади рекорды Германа Геринга, который к началу второй мировой войны раздул количество занятых в авиапромышленности до 1 миллиона человек. В ней было сконцентрировано около 9 тысяч специалистов. И что ведь показательно: при Геринге — 1 миллион рабочих и 9 тысяч технических специалистов, в боннском государстве — 30 тысяч рабочих и около 9 тысяч специалистов. Какие колоссальные резервы для ракетостроения! К тому же сделано и многообещающее начало: западногерманская фирма «Бёльков» с французским государственным объединением «Нор авиасьон» заключили соглашение о совместных работах по созданию ракет. Во всяком случае дело перспективное. И было бы не в духе старого спекулянта с собачьим чутьем пройти мимо такой возможности.

И он не прошел. В Мюнхене в конце 1964 года создано «Общество авиации и космонавтики». Оно объединило крупнейшие авиационные фирмы ФРГ «Бёльков», «Мессершмитт» и «Зибель». Две последние контролируются концерном Флика.

Еще в одной весьма важной области дал о себе знать Фридрих Флик... На улицах и площадях Западного Берлина рвутся бомбы со слезоточивым газом. Полицейские Франко расстреливают бастующих испанских шахтеров и металлургов. Бомбы и взрывчатку получают они от Флика.

Ведь он стал совладельцем акционерного общества «Динамит-акциенгезельшафт» (бывший «Альфред Нобель унд К⁰») в Тройсдорфе (ФРГ). Этому ему показалось мало. Он завладел еще акциями фирмы «Динамит Нобель» в Заарвеллингене (ФРГ) и многими другими предприятиями, производящими взрывчатые вещества и боеприпасы.

Наконец, Фридрих Флик проник в атомнопромышленное общество под названием «Кернреактор-финанцирунгсгезельшафт». Это примечательно не только тем, что Фридрих Флик работает на уровне ядерного века. Это яснее ясного свидетельствует о том, что нацистским и военным преступникам в ФРГ доступно все: от динамитных шашек до продукции ядерной промышленности. Здесь для них не существовало и не существует никаких ограничений. Многим может показаться невероятным, что Фридрих Флик, еще сидя в камере американской тюрьмы в Ландсберге, установил первый «деловой контакт» с атомщиками. Таков факт, засвидетельствованный заместителем Флика на его бывшем металлургическом заводе в городе Ризе (ГДР) Одило Буркартом, ставшим впоследствии генеральным директором «Максимилиансхютте».

Это было еще весной 1950 года. Перед владельцем «Максимилиансхютте» Фликом открылась возможность участвовать в финансировании западногерманских урановых разработок в Фихтель-Гебирге. Конечно же Флик не упустил ее. Правда, мешал союзнический запрет. Но его ведь можно и обойти, пока он не отменен. Тем более что американцы сами склонны найти общий язык со своими «подопечными» преступниками, находившимися в тюрьме Ландсберг. Флик решился открыть свой замысел американской секции союзнического отдела безопасности в Берлине. Начальник секции некий мистер Келли, как замечает, рассказывая об этом, западногерманский журнал «Атомвиртшафт», «пошел на риск» и начал сотрудничать с Фликом в финансировании бизнеса.

Добытая в Фихтель-Гебирге ураново-фосфорная руда была обогащена и переплавлена на предприятиях Западной Германии. Впоследствии, при передаче боннским властям первого образца уранового стержня, про-

изведенного из западногерманской руды, Одило Буркарт напомнил, что «у колыбели германской атомной промышленности» стоял Флик. Франц Иосиф Штраус, в то время только что пересевший из кресла министра по атомным вопросам в кресло министра обороны ФРГ, польстил этому «крестному отцу», выразив надежду на его новые усилия и инициативу в сфере атома...

А Флик и не ждал, когда его пригласят. Он действовал. Действовал, используя многочисленные связи — довоенные, периода войны и послевоенные. На технико-экономическую специальную комиссию, которая раздает государственные лицензии в области атомной промышленности, он влияет через компанию «Альгемейне электрицитетс-гезельшафт (АЭГ)», являясь членом ее наблюдательного совета. Кроме того, в списках членов этой организации по вопросам атомной энергии можно найти имя представителя фликовской «Даймлер-Бенц АГ».

Опубликованный в июле 1956 года боннский атомный закон «Атомэнерги-гезетц» разрешил образование только «общественных» атомных предприятий. Первый же реактор, созданный в Карлсруэ, был построен и эксплуатируется таким «общественным» предприятием, как «Кернреактор-бау унд бетрибсгезельшафт». В нем приняли участие боннское государство, местные власти земли Баден-Вюртемберг и частные предприниматели в лице... фликовского «Кернреактор-финанцирунгсгезельшафт».

Вполне возможно, если так дело пойдет и дальше, однажды мир содрогнется, матери крепче прижмут к груди своих детей, узнав, что военный преступник Фридрих Флик — «у колыбели» западногерманской атомной бомбы. Вздор, скажет читатель, преувеличенная подозрительность! Вряд ли. И вот почему. В октябре 1960 года вдруг неожиданно вскрылась западногерман-

ская «первая государственная тайна». Английская газета «Дейли экспресс» сообщила: «Германия предлагает дешевую атомную бомбу». Сенсация заполонила страницы газет. Оказалось, что начатая в 1950 году совместная работа Фридриха Флика и акционерной компании «ДЕГУССА» уже в 1958 году дала небезопасные результаты. «ДЕГУССА» разработала способ «высвобождения» урана-235 с помощью центрифуги. Компания исходила из уверенности, что это, по ее подсчетам, значительно сокращает расходы на производство атомной бомбы и позволяет избежать громоздких сооружений, а следовательно, легче скрыть опасное производство от общественности. Что касается центрифуг, то их производят все те же «АЭГ» и кильская фирма «Х. Мартин», связанные с Фликом.

Проникнув в круг концернов, действующих в ядерной сфере, Фридрих Флик непосредственно вошел в контакт с теми планами, которые в конце концов, по расчетам западногерманских правителей, должны привести к созданию собственного ядерного оружия ФРГ. Итальянская газета «Паэзе сера» еще до раскрытия «первой государственной тайны» Бонна, в сентябре 1960 года, сообщила: «Германия собирается создать атомную бомбу. Это решение принято Аденауэром, Эрхардом и Штраусом в 1959 году». Тогда ФРГ закупила в США и Англии 50 тонн металлического урана под предлогом «поднять промышленность до уровня современной технологии». Одновременно шли усиленные поиски собственной урановой руды, которые в ряде случаев увенчивались успехом. Сейчас в ФРГ практически производятся почти все виды ядерного горючего.

Вторгаясь в сферу атомной промышленности, Фридрих Флик проникает в самое сердце огромной системы международных монополий, усилия которой идут в одном направлении — к ядерному оружию. «ДЕГУССА»

обогащает урановую руду, которую добывают на рудниках Флика в Баварии. Один из руководителей этого концерна, Мертон, имеет тесный контакт с Рокфеллерами. Те связаны с фирмами — наследницами химического концерна «ИГ Фарбениндустри». А они в свою очередь сотрудничают с химической империей Дюпона. И далее ниточка снова ведет к Флику: его «Динамит АГ» сотрудничает с Дюпоном, главным поставщиком американских атомных бомб.

Флик «объединяет» Западную Европу

В зависимости от нюансов в сделках Флика называют то «националистом», то «европейцем». Когда он втридорога запродавал «Гельзенкирхенер бергверке» правительству Брюнинга, а не французским партнерам, его называли «немецким патриотом». Когда же Флик продал французам (потому что больше никто не покупал) крупный каменноугольный концерн, его окрестили «истым европейцем». В действительности же он не был в подлинном смысле слова ни тем, ни другим. О себе он мог бы сказать словами Джона Рокфеллера: «Только одно доставляет мне удовольствие — видеть, как увеличиваются мои дивиденды».

Это прежде всего вдохновляло Флика в одной из его наиболее скандальных афер, связанной с продажей каменноугольного концерна «Харпнер бергбау». Но еще одну характерную черту в деятельности зигерландского спекулянта оттенила она — его безудержное стремление к тому, чтобы проникнуть на ключевые позиции промышленности в других странах. То, что не удалось

сделать с помощью оружия при Гитлере, Флик пытается осуществить с помощью сговора с французскими концернами и сложной системы паевых участия. «Теоретически вполне возможно, что мы сумеем обосноваться во французской тяжелой промышленности», — так говорят ныне в резиденции «Фридрих Флик КГ» на Фридрихштрассе в Дюссельдорфе.

Казалось бы, афера с «Харпнер бергбау» ничего общего не имеет с этими опасными устремлениями. Ведь Флик не приобретал, а продавал. В ФРГ инсценировали даже шумиху, что, мол, Флик распродает западногерманскую промышленность. К тому же Флик обязан подчиняться законам о «декартелизации». Вот он и подчиняется им, расставаясь со своими каменноугольными шахтами и тем самым, мол, лишая свои металлургические заводы собственной угольной базы. При этом Флик так торопился выполнить волю «декартелизаторов», что не воспользовался даже предложенной ему пятилетней отсрочкой. Это ли не благонамеренная лояльность!

И у французских монополий веский «аргумент»: Флик играл большую роль в вооружении гитлеровской Германии, и отнять одно из ведущих предприятий его концерна — долг добропорядочных «патриотов» Франции. «Харпнер бергбау» действительно одно из крупнейших предприятий Рура. Оно раскинулось на площади 18,5 тысячи гектаров. К моменту сделки «Харпнер бергбау» давала 6 миллионов тонн коксующегося угля и 4 миллиона тонн высококачественного кокса в год. Присоединение такого промышленного комплекса к Франции на первый взгляд потеря крупного военно-стратегического потенциала для Флика и для всей Западной Германии вообще.

Но в том-то и дело, что Флик знал, кому продавал: «Харпнер бергбау» перешла не к кому-нибудь, а к лотарингскому объединению «Сидешар». Это объединение

было специально создано рядом ведущих лотарингских фирм для сделки с Фликом. В их числе «Сиделор», «Шатийон-коммантри», «Лорэн Эскан». А это как раз те фирмы, которые имели связи с Фликом еще в период немецко-фашистской оккупации. Вспомним «Ромбах-хютте»...

Чтобы уяснить, почему Флик решил продолжить контакт с фирмами тяжелой промышленности именно Лотарингии, видимо, недостаточно ссылки на прошлые связи, установленные не без помощи штыков вермахта и экзекуционных команд СС. Вспомним, бывший адъютант Гимmlера эсэсовский генерал Карл Вольф говорит, что Флик, по его убеждению, и поныне остался верен «идеалам СС». А к числу таких идеалов относится мечта о покорении Эльзаса и Лотарингии. Флик все еще рассчитывает когда-либо в будущем вернуться в эти провинции Франции, но уже не временно, как при Гитлере, а навсегда. Тогда вряд ли будет иметь какое-либо значение, проданы или не проданы предприятия «Харпнер бергбау» лотарингским фирмам: все будет его, Флика.

Таков расчет на будущее. Ныне же Флик удовлетворился «только» 15 миллиардами франков — сделка, которой позавидовал бы сам Гуго Стиннес. Эта сумма почти в три раза больше номинальной цены акций «Харпнер бергбау». И вот парадокс: тогдашний французский министр экономики Лувел дал согласие на сделку при условии, что 9 миллиардов франков из них будут вложены во французскую промышленность. Какая наивность! Флик только и ждал этого. Разве мог он не воспользоваться столь любезным приглашением. Солдаты Гитлера не помогли ему укрепиться во французской экономике, не помогли коллаборационисты... И то, чего он не мог добиться силой, министр Франции сам преподносит на серебряном блюде.

Многие предостерегали: предоставить Флику возможность вкладывать капиталы во Франции — значит, как писал Марк Моне во «Франс д'абор», «открыть наши заводы перед военным преступником». А главное — пробить тропинку в глубь экономики страны. Да, пройдет время, сработают все пружины, и узкая тропа, проложенная им к тяжелой промышленности Франции, станет широкой дорогой экспансии рурского магната. И не одного его... Так думал Флик. В этом направлении он действовал.

Переход «Харпнер бергбау» к французскому консорциуму открыл военному преступнику путь во Францию. Но сделка имела для Франции еще одно тяжелое последствие: она ударила по основам самого существования целой отрасли французской промышленности — угольной. И вот почему. «Харпнер бергбау» переменила западногерманского хозяина на французского. Но в то же время это промышленное объединение, оставшееся на территории ФРГ, получило возможность беспрепятственно ввозить свою продукцию во Францию. А это не мало. В момент сделки вся ввозимая продукция составила 11 процентов от общей добычи угля, 50 процентов от всего производства кокса во Франции.

Под ударом оказались многие французские шахты. Как только Фридрих Флик сбыл «Харпнер бергбау», были приостановлены работы по получению кокса из французского малокалорийного сырья.

Ряд французских шахт был обречен на ликвидацию. А шахты и коксовые батареи «Харпнер бергбау», находящиеся в ФРГ, были модернизированы французскими монополиями, причем в значительной мере за счет французского налогоплательщика.

Недовольна трудовая Франция. Зато доволен Флик. Довольны и его французские партнеры. Ведь их интересует прежде всего прибыль. А в Западной Германии,

на территории которой находятся предприятия «Харпнер бергбау», она выше. Хотя бы уже потому, что рурскому шахтеру можно платить в среднем на 30 процентов меньше, чем шахтеру во Франции.

Но вернемся к Флику. Условия сделки с «Сидешар» узаконили его право втягивать в свои спекулятивные махинации любое из предприятий Франции — от Ла-Манша до Марселя. Открывались огромные возможности. И Флик начал. Начал он с того, что купил одну из фирм объединения «Сидешар». Те самые дельцы-«патриоты», которые в свое время выдавали приобретение «Харпнер бергбау» за подвиг «во имя Франции», теперь бесшумно капитулировали перед Фликом.

Завладев более чем 25 процентами акций, он стал фактически хозяином металлургического предприятия «Нэв Мезон». Как подчеркивала западногерманская газета «Нейе рейн-цейтунг» в статье «Флик создает новую промышленную империю», германский капитал впервые после первой мировой войны вторгся в Лотарингию (если не считать его вторжения силой оружия в 1940 году).

Вскоре Флик расширил свою экспансию. Его жертвой стал металлургический завод «Эно-Шамбр» в Бельгии. И это отмечено в хронике западногерманских монополий, как крупное событие. Скупив свыше 25 процентов акций, впервые в истории германский промышленник стал хозяином крупного бельгийского металлургического концерна.

Тем самым Фридрих Флик предвосхитил отношения в «общем рынке» задолго до того, как экономический блок шести западноевропейских стран развернул свою деятельность. Не следует думать, что здесь налицо простое, случайное и механическое совпадение методов Флика и методов заправил «шестерки». Так называемое «Европейское экономическое сообщество», или «общий

рынок», возникло и начало свою деятельность с 1 января 1959 года на основе отношений, подобных тем, которые установились между Фликом и его французскими и бельгийскими партнерами.

И вовсе не случайно этот западногерманский промышленный король объявил себя «европейцем номер один». Он просто увидел в «общем рынке» то, что видели и другие в ФРГ: своего рода первый этап на пути создания «нового европейского экономического порядка», который означал бы «огромное усиление мощи великогерманской империи». Вспомним, так говорил сместивший Шахта на посту министра хозяйства третьего рейха Вальтер Функ, друг Флика, а еще раньше — председатель правления треста «ИГ Фарбениндустри» Карл Дуисберг. «Мы должны создать, — провозглашали они, — экономический блок «от Одера до Бордо» под главенством Германии».

Влекут другие континенты...

Экспансия Фридриха Флика, ярко проявившаяся в афере с «Харпен» в Западной Европе, давно уже перекинулась на другие континенты. Взять, например, Африку. Особенно те страны «черного континента», которые еще не знают подлинной свободы, еще не полностью вырвались из пут колониальной зависимости.

В 1954 году Ялмар Шахт, бывший президент имперского банка и министр хозяйства гитлеровской Германии, составил план проникновения в Африку. Он говорил: «Колонии для Германии — жизненная необходимость... Если можно получить их путем переговоров, то надо вести переговоры. Если это, однако, невозможно,

тогда мы должны взять их силой». Из этого исходил Ялмар Шахт в своем «африканском плане».

Его мысль сводилась в конечном счете к требованию о возвращении ФРГ позиций в Африке, которые вильгельмовская Германия занимала до 1914 года. Было создано специальное общество — «Гезельшафт цур фёрдерунг дер дейчен интересен ин Африка». Это общество по «защите германских интересов» в африканских странах нашло поддержку таких промышленников, как бывшие гитлеровские фюреры военной экономики Отто Вольф, Рейш, Динкельбах и Флик.

С участием зигерландского промышленника был создан «Фонд Африки», который финансировал проникновение в страны этого континента. А еще до того статс-секретарь правительства ФРГ Отто Ленц направился в Африку «изучить ее проблемы». Как отметила билефельдская газета «Фрейе прессе», Ленц получил поручение, в частности, «изучить возможности промышленных инвестиций для семьи Флика». А не так давно в списках ведущих деятелей так называемого «Немецкого общества по Африке» появилось имя Вольфгана Поле, генерального уполномоченного концерна «Фридрих Флик КГ».

Появляясь в Африке, эмиссары Флика меньше всего козыряют его именем. Но если где в Африке рвутся бомбы, строчат пулеметы, идет грабеж национальных богатств, то именно там найдешь следы международного преступника Фридриха Флика.

Уполномоченные концерна Флика действуют не только в Африке. Они рыщут по многим странам Азии и Латинской Америки. В Индии концерн Флика участвует в бомбейской локомотивостроительной компании «Телко», владея 16 процентами ее акций. В Таиланде он подчинил себе компанию грузовых автомашин «Олл-Таи-компани». Большую активность развил концерн в

Латинской Америке. Он участвует в предприятиях Перу и Бразилии. 54 процента акций автозавода «Мерседес-Бенц Аргентина» принадлежат группе Флика.

Власть и влияние нацистского магната, бесспорно, шире, чем это можно судить по его, так сказать, видимым деловым связям. От концерна «Фридрих Флик КГ» протянулись нити ко многим другим могущественным монополиям. И в своей экспансии на Западе европейского континента, как и на других континентах, все эти монополии идут единым фронтом, связанные круговой порукой. Это, разумеется, не исключает, а, наоборот, предполагает беспощадную войну между партнерами по экспансии.

Когда президент «Дрезднер банк» Герман Абс добивается концессий в Азии или Африке, он действует и от имени Фридриха Флика. Ведь Флик — крупнейший акционер этого банка, а Герман Абс имеет прямое отношение к многочисленным операциям с акциями, которые осуществляет зигерландский спекулянт. Если концерны «АЭГ» и «ДЕГУССА» через посредство французской компании «Томсон-Хоусто», создавшей и взорвавшей в Сахаре первую французскую атомную бомбу, получили доступ к секретам независимой «ядерной силы» президента де Голля, то и это произошло не без Фридриха Флика. В конце концов, Флик, а не кто-либо другой является наиболее влиятельным членом наблюдательного совета «АЭГ» и своим человеком в «ДЕГУССА». Начиная с 1950 года он участвует в атомных делах обоих концернов.

Вряд ли может, скажем, «Европейское экономическое сообщество» помешать Флику расширить свой контроль за пределами ФРГ. Дело в том, что восемь из десяти ведущих концернов «шестерки» — западногерманские и один из них — концерн «Фридрих Флик КГ». А это значит многое.

Ловкий делец с 20 миллионами марок личного капитала контролировал могущественнейший в Европе Стальной трест. Для этого нужно было лишь использовать рычаги системы капитализма, доступные спекулянтам-авантюристам. Так что же может сделать Флик ныне, в условиях «общего рынка», еще более благоприятствующих авантюрам, когда он обладает состоянием в три с половиной миллиарда марок и участвует по крайней мере в 129 акционерных компаниях, многие из коих он полностью контролирует.

Тем более что Фридрих Флик, еще сидя в тюрьме, приобрел в лице как американских, так и французских властей в ФРГ и вне ее единомышленников, согласившихся выдать нацистскому преступнику своего рода «индальгенцию» на отпущение грехов. Что же касается западногерманских властей, то бывший боннский канцлер, а ныне лидер правящей партии ХДС Конрад Аденауэр еще в телеграмме Флику по случаю его выхода из ландсбергской тюрьмы 25 августа 1950 года обещал выполнить свой «долг в отношении германской промышленности».

Если уж мы упомянули о бывшем главе западногерманского правительства, скажем, что с Фликом его объединяет не просто духовное родство, но и дела чисто коммерческие. И «отец» боннского государства играл на бирже в те времена, когда Флик прослыл «гением спекуляции». Весной 1928 года он скупил 7000 акций заводов искусственного волокна «Дейче Гланцштофверке» стоимостью примерно в 3 миллиона марок и при помощи спекулятивных комбинаций в течение нескольких месяцев нажил на них 800 тысяч марок.

И еще одно немаловажное обстоятельство объединяло их: и Флик, и семья Аденауэра пострадали в результате разгрома гитлеровской Германии. Флик потерял на территории ГДР три четверти своей промышлен-

ной империи, сколоченной во времена Гитлера: металлургические заводы и буроугольные карьеры, машиностроительные и химические предприятия. Зятю Аденауэра Верхану пришлось убраться из той части Германии, где власть взяли трудящиеся, оставив там шахты в Зенфтенберге, калийные заводы, концерн «Мансфельд АГ» с его медеплавильными предприятиями, электростанции, поместья, домовладения и пивные заводы — имущество общей стоимостью приблизительно в один миллиард марок.

Ни для Флика, ни для «боннского старца» в их взаимоотношениях не возникал вопрос: с кем быть? Они быстро нашли друг друга. И характерно, что первая же крупная послевоенная спекулятивная афера Флика с «Харпнер бергбау» получила громогласное одобрение канцлера. После этого можно понять готовность Флика пойти навстречу Аденауэру. Практически по одной и той же причине он финансировал в 1933 году Гитлера, а семнадцать лет спустя, еще сидя в тюрьме, сделал первый взнос в «фонд Аденауэра».

Но разве в бывшем канцлере Аденауэре лишь дело?! Конечно, нет. В правительстве, парламенте, администрации земель, в полиции и, наконец, в бундесвере друзья Флика, его единомышленники. Пока Франц Иозеф Штраус был министром, сначала по делам использования атомной энергии, потом — обороны, он помог концерну Флика втиснуться в ряды предприятий атомной промышленности и получить первые заказы для бундесвера. Министр Генрих Балке начал свою министерскую карьеру с того, что объявил Флика «пионером» атомной промышленности.

По делам Фридриха Флика и сейчас, при канцлере Людвиге Эрхарде, в Бонне обивают пороги ведомств десятки лоббистов. У него есть свои люди в министерстве обороны, в министерстве хозяйства, наконец, в боннском

парламенте. Законодатели на Рейне с почтительным вниманием относятся к интересам Фридриха Флика. А как же иначе? Ведь в бундестаге сидят либо прямые представители концернов, либо их верные слуги — адвокаты, журналисты, чиновники.

* *
*

...Мерно поскрипывает качалка. Тихо на вилле «Гольбек». Флик любит в одиночестве окинуть свой жизненный путь. И перед его мысленным взором проходят тени минувшего, хроника жизни, погрязшей в преступлениях. И сам он видится нам как живое привидение из страшной были о современных вампирах.

Говорят, что на том месте, где сейчас висит в резиденции Флика портрет «железного канцлера» князя фон Бисмарка, до недавнего времени был портрет Гитлера. Для Фридриха Флика, судя по его делам, идеал бесноватого фюрера остался неизменным. Детище этого матерого хищника — концерн «Фридрих Флик КГ» был и остается опасным вдохновителем политики агрессии и реваншизма.

СОДЕРЖАНИЕ

От скупщика железного лома...	6
...До торговца концернами	10
Взаимная «аттестация на верность»	15
Заговор в «стальном доме»	18
Поддержка фюрера — дивиденды Флику	22
Следы преступлений ведут на Белевьюштрассе	27
«Дело № 5», или поощрение вместо наказания	32
От танковой брони к ракетам и атому	41
Флик «объединяет» Западную Европу	52
Влекут другие континенты...	57

Столповский Борис Георгиевич.

ПРИВИДЕНИЯ НА Вилле «ГОЛЬБЕК».
М., Политиздат, 1965.

63с. (Владыки капиталист. мира).
33И.

Редактор Л. Коновалов

Художник А. Житомирский

Художественный редактор С. Голубев

Технический редактор А. Данилина

Сдано в набор 1 марта 1965 г. Подписано в печать
1 апреля 1965 г. Формат $70 \times 108^{1/32}$. Физ. печ. л. 2.
Условн. печ. л. 2,74. Учетно-изд. л. 2,53. Тираж 58
тыс. экз. А 02863. Заказ № 2909. Цена 6 коп.

Работа объявлена в Т. п. 1965 г., № 215

Политиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Типография «Красный пролетарий» Политиздата.
Москва, Краснопролетарская, 16.